

УДК 811.161.1'28

ВОЙНА И ТРУД В МОНОЛОГАХ КУЗБАССКИХ КРЕСТЬЯН: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СКЕТЧ**Светлана П. Петрунина^{1, @, *}, Надежда В. Петрунина^{2, @, *}**¹ Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, Россия, 654041, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 34а @nad514@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.07.2016.

Принята к печати 14.10.2016.

Ключевые слова: диалектный монолог, сибирские говоры, лингвокультура.**Аннотация:** Цель настоящей статьи – презентация концепции второго выпуска сборника «Кузбасская деревня в рассказах её жителей» (2016). Сборник представляет собой собрание диалектных монологов кузбасских крестьян – результат полувекowego сбора и фиксации речи деревенских жителей Кемеровской области. Тексты отражают отдельные фонетические, лексические, грамматические особенности речи сибирского крестьянина, а также различные стороны его быта и бытия. Особый акцент сделан на темах войны и тылового труда.**Предметом** исследования являются а) тематические доминанты диалектного текста; б) лингвокультурные маркеры, конструирующие собирательный образ крестьянина-сибиряка. К основным **методам**, к которым прибегали составители при подготовке сборника к печати, относим метод лингвоперсоналогического портретирования, историко-культурное комментирование, а также общенаучные методы наблюдения и описания фактов.**Выводы.** К основным особенностям сборника относятся: тематическое рубрицирование, значимость гендерного фактора, наличие узловых эмоций рассказчиков, доминирование безоценочных высказываний, гипертекстуальность и политематичность диалектных монологов.**Область применения результатов.** Тексты, включённые в издание, представляют собой источниковый фундамент для дальнейших исследований в области русской диалектологии [2; 6; 8], в частности диалектного синтаксиса, теории диалектной языковой личности; регионоведения.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-14-42002а(р).

Для цитирования: Петрунина С. П., Петрунина Н. В. Война и труд в монологах кузбасских крестьян: лингвокультурологический скетч // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 219 – 223. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-219-223.

Цель статьи – презентация концепции второго выпуска сборника «Кузбасская деревня в рассказах её жителей» [3], который является продолжением одноимённого первого выпуска, вышедшего в свет в 2013 году [4], и включает материалы диалектологической практики (1952 – 2015 гг.), записанные на магнитную ленту и обработанные дважды – в тетради и (с 2000-х гг.) на электронном носителе. Как и предыдущее пособие, это результат работы авторов над аккумулирующим проектом, цель которого – сохранение памяти о быте и бытии кузбасского крестьянства. Вместе с тем второй выпуск имеет ряд особенностей, качественно отличающих его от «старшего брата». Далее о них.

Тематическая рубрикация

Главной отличительной чертой «Кузбасской деревни-2» является рубрикация по тематическому принципу. В отличие от первого выпуска, который был структурирован в соответствии с территорией проживания информантов-

диалектоносителей (Беловский, Прокопьевский, Промышленновский, Тисульский, Чебулинский районы и др.), что подчеркивает само явление – территориальные диалекты, – второй выпуск разбит на две части в зависимости от центральных, ключевых тем диалектных монологов. Ключевыми темами второго выпуска «Кузбасской деревни...» являются труд и война – жизнь крестьянина в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны.

Выбор тем не случаен. Публикация сборника приурочена к трём датам, знаковым как для России, так и для Кузнецкой земли: 70-летию со дня Победы 1945 года (2015 г.; в этом году сборник был подготовлен к печати) и двойному юбилею орденности города-труженика Новокузнецка – крупного промышленного центра Кузбасса (2016 г.; в этом году сборник вышел из печати). В 1971 г. Новокузнецк был награждён Орденом Трудового Красного Знамени за успешное выполнение пятилетнего плана; в 1981 г. город удостоен Ордена Октябрьской Революции за вклад в индустриализацию и «обеспечение

разгрома немецко-фашистских захватчиков» (подробнее об этом см. Паспорт города Новокузнецка [5]). Таким образом, 2016 г. – это год 45-летия трудовой славы и 35-летия военной доблести Новокузнецка.

Труд и война – это, во-первых, те символы, которые наполняют смыслом текущее пространственно-временное поле, а «смыслопорождение есть сущностная характеристика человеческого бытия» (Э. Гуссерль, цит. по [7, с. 56]). Во-вторых, труд и война – неизбежные спутники жизненного пути кузбасских крестьян, пересечённого историческими катаклизмами XX века; они с регулярной частотой отражаются в их рассказах о прожитом и тем самым становятся тематическими доминантами диалектных текстов. Центральные темы отражены составителями в заглавиях монологов, представляющих собой наиболее ёмкие, знаковые высказывания информантов – описательные или резюмирующие: *Она бы жизнь и была получше, да война сокрушила; Война помирилась – дак чего. Я не ревел, ребята некоторые слезу пускали, это правда; Все ребята на войне – остались девочки одне; Вышла замуж, а он даже не воевал вовсе, сразу убили; Много убивали нас, конечно, но мы ничо, стояли.*

Гендерный фактор

Двухчастная структура сборника обусловлена не только тематическим, но и гендерным фактором: первая тематическая часть, содержащая рассказы о тыловой жизни, представлена преимущественно женщинами-рассказчицами, вторая тематическая часть, рисующая фронтовые будни, содержит повествования от мужского лица. Присутствие значительного числа «мужских» монологов также является дифференциальным признаком второго выпуска «Кузбасской деревни...». На наш взгляд, мужская монологическая речь – это особенно ценная находка диалектолога, поскольку, как показывает опыт сбора полевого материала, информант-мужчина, как правило, немногословен: *Дак а как? Воевали. Война известно как... Чо там рассказывать (Н. О. Дворников, с. Ваганово Промышленновского района); Живём сейчас... да помаленьку. Горемыком всё [живём]. Ну что же я вам буду рассказывать, доченьки? (Е. И. Соколов, д. Лучшее Промышленновского района).*

Эмоциональные узлы

Тематическая рубрикация собранных монологов – это эвристичная оболочка, которая позволяет объединить разрозненные рассказы в целостный гипертекст, в котором можно вычленил ряд узловых эмоциональных моментов. С одной стороны, это:

– тяжесть переживаемых в войну невзгод, неспособность с ними справиться: *Она бы жизнь и была получше, да война сокрушила. Там сколько пробыл [муж], да его ранили. По ранению домой пришёл. Подумаешь, подумаешь, тяжело было. С первых годов-то жила ничё, а потом не ладилась жизнь-то (Д. Г. Безрукова, пос. Бызово Новокузнецкого района); А девочка у нас была, а, как же её... Райка, по-моему, или что... Лирка! Вспомнила счас. Лирка была, она любила лёд ись (т. е. есть), она после войны сразу умерла. Туберкулёз. Вот лёд ела, а я не ела лёд, я воды напьюсь, и всё. Она отколет этот лёд – и*

глотает, и глотает. Я сколько раз ей говорила: «Лирка, зачем ты этот лёд глотаешь?» Она курила ишо. Ишо, грю, куришь, да ишо лёд ешь... А она гыт: «Да делов-то всё, и сдохну, дак сдохну, надоело уж работать». Я грю: «Ну дак война закончится – мы же не будем здесь работать, мы домой уедем». Вот. А домой не уехали никуда (Е. А. Сивакова (Коновалова), д. Третьяково Тисульского района);

– горечь потери близких, родной земли: *Под немцем была я, ну, как и... Мучили нас. Здоровых угоняли в эту Германию, и скот гоняли, и здоровых людей, а уже больных они, где кого были, где убивали, где издевались над людьми, как же... Немцы зашли, там всё пожгли, вот я ездила годов десять назад в эту, туда, ну, сейчас Киев-то построился, а в какой деревне я родилась – там дома были соломой крыты, полов не было, земляные все, одна избёнка осталась, всю деревню сожгли, всю сожгли (Ф. И. Стукалина, пос. Тяжин Тяжинского района); В сороковом году взяли его, в сорок первым году или... Да, его в сорок первым году [сына] в армию взяли. В сороковом же году! А [в] тридцать седьмым мужика у меня взяли. Заболтали [меня], чо попало [говорю]. В тридцать седьмым мужика забрали у меня, от, а в сороковом году он [сын] ушёл, помер там. Письма писал, а потом уж он это... Сын в сорок... Это, ну да, в сорок первым сын погиб, в сорок вторым сына второго у меня убили, в сорок третьим... у меня дочь в фэээо взяли, так и пошло всё, с одной девочкой осталась, теперь чо (П. И. Притчина, д. Шишино Топкинского района) и др.*

С другой стороны – это:

– благодарность за поощрение воинской доблести: *Ранило его и контузило, ох, но есь у него медали, да, это хорошо. Ордена есь и медали есь (А. И. Бастрыгина, с. Бурлаки Прокопьевского района); Война помирилась – дак чего. Я не ревел, ребята некоторые слезу пускали, это правда. Потом не признали меня. Что воевал – не признали. В Москву подал, они признали правильным документом. Вот, милочки мои (И. А. Шабалин, Беловский район);*

– радость Победы: *Эта самая... война кончилась! А моё имя было Малышка, прозвище – Малышка. Я маленькая была, ростом-то. Ну и вот, он меня домой отпустил, а домой отпустили, а радио-то не было, были на работе. Я говорю маме: «Мама, война кончилась!» Она хлоп на коленки: «Неужели правда!» (М. П. Миржинская, с. Ашмарино Новокузнецкого района); У немца, правда, у того орудие больше было, там пулемётов больше было, и всё у его было. У нас пулеметов было [меньше]. Но победили дык... наши победили. А чо бы не победить. Нашим всё не это самое... ни о чём (т. е. ни-почём) (Ф. И. Трофимов, с. Борисово Крапивинского района) и др.*

Безоценочные контексты

Контрастные переживания уравниваются весомым пластом безоценочных, отстранённых, сосредоточенных повествований о фронтовых буднях, которые лишены оценочной составляющей: *Она работала связисткой и вот, говорить, рассказывала мне... Кода ползут по мёртвым... и немец бьёт, и надо проползти, чтоб не*

убило-то. А ранены, говорит, между раненых, убитых ползёшь, чтоб соединить провод-то. Чтоб если там... кому-то передают же, чё как. <...> И по этим мёртвым ползала, и в зубах ...это провод-то... несла, ползла. И говорит, елиф увидит, что шевелится человек, как, говорит, Бог знает чё мерещится ей начинает. Вот. Ну, и она пришла-пришла живая, а толку нет. Почему-то с ума сошла (Е. А. Сивакова, д. Третьяково Тисульского района); А этот, а что он ротой командует, а где у вас остальные, я мол, вон на полянке лежат <...> До вечера-то дожили, а он нас уж тут перехватывает. Мы сейчас, ну а мы ночи две или три ли так, не спали вовсе, какой там сон. Ну а мы, это, легли и уснули, они там построились, а нас нет, ладно, что записаны, они бы ушли, мы бы остались. <...> Но, в болото зашли, вода эта, и так всю ночь прошли, светать стало, мы вышли, так чуть отбеливать стало, наши машины уж укурируются (т. е. эвакуируются) из Малого Ярославца. С сухарями машина тут стоит, один подбежал, это, дёрнул, складинком разрезал, ну и нас братва, а мы же голодные все, едва ноги таскали (Е. Т. Прокудин, д. Каракан Беловского района).

Безоценочность диалектных нарративов, думается, восходит к наивной картине мира диалектоносителя, который предпочитает описание факта его интерпретации. Близость к природе – первозданному состоянию бытия – уводит крестьянина-рассказчика от системы общечеловеческих ценностей к простой фиксации происходящего. Ср. с миниатюрой И. С. Тургенева, где классик конструирует образ Природы-матери: «– Но добро... разум... справедливость... – пролепетал я снова. – Это человеческие слова, – раздался железный голос [Природы-матери]. – Я не ведаю ни добра, ни зла... Разум мне не закон – и что такое справедливость? Я тебе дала жизнь – я её отниму и дам другим, червям или людям... мне всё равно... А ты пока защищайся – и не мешай мне!» [9, с. 32].

Безоценочность нарративов, быть может, обусловлена и нежеланием рассказчика, прошедшего ад войны в тылу и на фронте, возвращаться и воскрешать в памяти травмирующие, рвущие душу воспоминания. Отсюда скупая описательность текстов, доминирующая над выведением, и преобладание фактографической информации над эмоционально-экспрессивной.

Гипертекстуальность рассказов о войне и труде, акцент на внутритекстовых связях и лейтмотивах, однообразность суждений и повествований – ещё одна отличительная особенность концепции второго выпуска «Кузбасской деревни...». В первом выпуске составители стремились отобрать наиболее яркие, характерные тексты, наполненные плюрализмом мнений; сборник 2016 года – это реконструкция коллективного сознания крестьян, свидетельство «смерти автора и рождения читателя» [1], которому предлагается посмотреть в лицо войне и сделать собственные выводы.

Вместе с тем было бы некорректным говорить об абсолютизации тематического принципа. Лейтмотивность военно-трудовой темы не отменяет сущностной черты диалектного монолога – его **политематичности**. Крестьяне повествуют не только о военных годах, но и (отвлекаясь, отклоняясь, уходя вслед за случайными ассоциациями и воспоминаниями) об иных сторонах своего быта и бытия:

– о детстве: Мы трудились, да и не только на огороде, да и на поле, каждой семье, помню, давали нам, как бы надел работы, на каждую семью по пять соток, вот наша семья пять человек, вот нам давали пять соток свеклы, и мы все вставали в пять утра: мама, папа и мы, девчонки, и шли на поле с тяпочками (Л. А. Попова, Новокузнецкий район Кемеровской области); Вот так, потихоньку, ещё люди потом подъезжали. И письма писали, что хорошо [в Сибири], только труды дьявольские. Но белорусы – они только трудиться [любят] и дарьма будут трудиться, народ такой. Послушный, законопослушный и лишь бы работать, хоть и дарьма, да будут, а тут, вроде как, чо-то, награда какая. Потом уже и ещё приезжали. А мы в сорок девятом, после войны [приехали]. Война чо... Я война не помню, махонькая была тогда. Я помню, как откликалась война (М. П. Гаврилова (Боровая), пос. Белорус Новокузнецкого района);

– до- и послевоенной жизни, коллективизации, повседневном труде: До войны тоже ни черта не видели в колхозе. Хлеб сдай. Зерно сдай. Картошку сдай. Молока надоишь – сдай. Яйцы курицы нанесут – сдай. Всё государству. Песня есь: «А полянь по трудодням, хлеб мы сдали государству»... (Е. А. Сивакова, д. Третьяково Тисульского района); Машины появились тогда. Ну кончила на «хорошо», сдала прям с первого разу. И направили меня, я сама попросилась, в Калтан. Мне Калтан нравился, он город-сад же был. Дуся там жила, я ходила к ней в гости, библиотека, кино – это ж как праздник. У меня мечта была – в Калтан (М. П. Гаврилова (Боровая), пос. Белорус Новокузнецкого района);

– замужестве или женитьбе: Замуж вышла и приехала сюда. Таперь не бояться расходиться, а тогда моды не было расходиться, хоть как плохо, хорошо – живёшь. И стыдно было, что расходятся (А. И. Бастрыгина, с. Бурлаки Прокопьевского района); Я у родителей мало жила, я всё по людям жила. Я не жила дома. Я вышла [замуж] в девятнадцать, а вот на фронте [он погиб]. Моё дело что... пойти коров доить, телят поить, свиной кормить, а свекровь около печки [стоит] (З. А. Краснова, Тальское сельское поселение Юргинского района) и др.

Преемственность между первым и вторым выпуском прослеживается не только в неизбежной политематичности текстов, содержательной аморфности крестьянского рассказа, она – и в паратекстовой организации второго выпуска. Подобно дизайнерскому решению обложки сборника-предшественника, обложка этой книги отражает попытку составителей выявить точки пересечения общекультурного и локального. В оформлении использован фрагмент художественной фотографии «Заводский посёлок (Катав-Ивановск)», сделанной выдающимся русским фотографом и химиком С. М. Прокудиным-Горским (1863 – 1944) – пионером российской цветной фотографии. Изображение публикуется с разрешения Библиотеки Конгресса США, где хранится часть наследия фотографа, и г-на Жана Свечина (Jean Swetchine) – наследника С. М. Прокудина-Горского.

Фотоизображение перетекает в рисунок, выполненный начинающей художницей Анной Гусевой – уроженкой Кемеровской области, студенткой Института искус-

ства и культуры Томского государственного университета. На рисунке – въезд в город Новокузнецк и общеизвестные знаковые для города элементы: стела в честь его двойной орденности, фигурка скачущего коня как фрагмент герба города и схематическое изображение Кузнецкой крепости. Обложка сборника совмещает в себе признаки личного и открытого паратекста [10], так как, с одной стороны, отражает собственную концепцию составителей сборника и художника, с другой – апелли-

рует к зрительно-читательским перцептивным особенностям и архетипам.

Таким образом, «Кузбасская деревня-2» – это агломерат составительских целей, включающий: 1) стремление авторов отдать дань памяти Великой Отечественной войне, 2) сохранение «Руси уходящей», 3) популяризацию лингвистического знания, 4) наше желание поклониться Новокузнецку – крупнейшему и старейшему городу Кемеровской области, родному городу-труженику.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 384 – 391.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2010. 261 с.
3. Кузбасская деревня в рассказах её жителей: материалы диалектологической практики (1952 – 2012 гг.). Вып. 1 / сост. С. П. Петрунина, Н. В. Петрунина. Новокузнецк: изд-во СиБГИУ, 2013. 144 с.
4. Кузбасская деревня в рассказах её жителей: материалы диалектологической практики (1952 – 2015 гг.). Вып. 2 / сост. С. П. Петрунина, Н. В. Петрунина. Новокузнецк: изд-во СиБГИУ, 2016. 125 с.
5. Новокузнецк: паспорт города. Режим доступа: <http://portal.admnkz.info/city/passport> (дата обращения: 01.05.2016).
6. Русская деревня в рассказах её жителей / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. 512 с.
7. Суворова А. Н. Философия Эдмунда Гуссерля и феноменологическая философия // А. Н. Суворова. Введение в современную философию: учеб. пособие. Киев, 2005. 72 с.
8. Трубинский В. И. Русская диалектология: говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. СПб.; М., 2004. 208 с.
9. Тургенев И. С. Природа // Собрание сочинений в 12 т. Т. 8: Повести и рассказы 1871 – 1883 годов. М.: Художественная литература, 1978. 526 с.
10. Шмелёва Т. В. Паратекст медийного текста // Структурно-семантические параметры единиц языка и речи: сб. научн. статей / отв. ред. О. М. Чупашева. Мурманск: изд-во Мурман. гос. пед. ун-та, 2009. С. 145 – 149.

WAR AND WORK IN KUZBASS PEASANTRY REMINISCENCES: A SKETCH OF LINGUISTIC AND CULTURAL BACKGROUND

Svetlana P. Petrunina^{1@,*}, Nadezhda V. Petrunina^{2,@,*}

¹ Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), 23, Tsiolkovsky street, Novokuznetsk, Russia, 654041

² National Research Tomsk State University, 34a, Lenina prospect, Tomsk, Russia, 634050

@ nad514@yandex.ru

Received 29.07.2016.

Accepted 14.10.2016.

Keywords: Dialect monologue, Siberian dialects, linguistics and culture

Abstract: The submitted paper **acts as** a presentation of the second issue of ‘Kuzbass Peasantry Speaking’ – a collection of monologues devised by Siberian local countryside dwellers. The collection has recently been published (January, 2016) and includes the **results** of a fifty-year-long research aimed at recording and cameral processing of dialect speech. The recorded monologues reflect the specific local peculiarities of phonetics, lexis, and grammar, as well as the diverse complexity of Siberian dwellers’ being and living. A close attention is paid to the topics of war and work.

The research **is aimed at** a) examination of predominant topical elements within this or that monologue; b) linguistic and cultural markers able to structure the collective image of an average Siberian countryside dweller. The main **methods** employed by the authors involve the linguistic personality depiction; historical and cultural commentary; the general scientific methods of continuous observation and factual description.

Conclusion. The chief characteristic features of the book involve topical dominants, gender factor significance, emotive links, absence of direct evaluation, and hypertextuality.

Significance. The monologues included into the present collection can serve as a source base for further pieces of research on Russian dialect studies [2; 6; 8] (e. g., dialect syntax and theory of dialect personality) or on regional studies in general.

* The paper was written with the support of Russian Humanitarian Science Foundation grant № 15-14-42002a(p).

For citation: Petrunina S. P., Petrunina N. V. Voina i trud v monologakh kuzbasskikh krest'ian: lingvokul'turologicheskii sketch [War and Work in Kuzbass Peasantry Reminiscences: a Sketch of Linguistic and Cultural Background]. *Vestnik Ke-merovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 219 – 223. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-219-223.

References

1. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Collected Works by Roland Barthes. Semiotics and Poetics]. Moscow: Progress, 1994, 384 – 391.
2. Karaulov Yu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia luchnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: URSS, 2010, 261.
3. *Kuzbasskaia derevnia v rasskazakh ee zhitelei: materialy dialektologicheskoi praktiki (1952 – 2012 gg.)* [Kuzbass Peasantry Speaking: Collection of Dialect Monologues (1952 – 2012)]. Ed. and comp. Petrunina S. P., Petrunina N. V. Novokuznetsk: Izdatel'stvo SibGIU, Iss. 1 (2013): 144.
4. *Kuzbasskaia derevnia v rasskazakh ee zhitelei: materialy dialektologicheskoi praktiki (1952 – 2015 gg.)* [Kuzbass Peasantry Speaking: Collection of Dialect Monologues (1952 – 2015)] Ed. and comp. Petrunina S. P., Petrunina N. V. Novokuznetsk: Izdatel'stvo SibGIU, Iss. 2 (2016): 125.
5. *Novokuznetsk: passport goroda* [Novokuznetsk: City Passport]. Available at: <http://portal.admnkz.info/city/passport> (accessed 01.05.2016).
6. *Russkaia derevnia v rasskazakh ee zhitelei* [Russian Peasantry Speaking]. Ed. Kasatkin L. L. Moscow: AST-PRESS, 2009, 512.
7. Suvorova A. N. *Vvedenie v sovremennuiu filosofiiu* [Introduction to modern philosophy]. Kyiv, 2005, 72.
8. Trubinskii V. I. *Russkaia dialektologiya: Govorit babushka Marfa, a my kommentiruem* [Russian Dialect Studies: Babushka Marfa's Talk and Our Comments]. Saint-Petersburg; Moscow, 2004, 208.
9. Turgenev I. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Turgenev I. S.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, vol. 8 (1978), 526.
10. Shmeliova T. V. Paratekst mediinogo teksta [Paratextual Characteristics of Media Texts]. *Strukturno-semanticheskie parametry edinits iazyka i rechi* [Structural and Semantic Parameters of Language and Speech Units]. Murmansk: Izdatel'stvo Murm. gos. ped. un-ta, 2009, 145 – 149.